

«Забавно, что цвета и краски
реального мира самими что ни на
есть настоящими кажутся только на
экране».

Энтони Бёрджесс,
«Заводной апельсин»

Манфред

Мы были самой обычной семьей. Это было самое обычное утро.

Такое, от которого не ждешь ничего особенного. Один из тех бессмысленных дней, на которые просто не обращаешь внимания, поскольку они не будут иметь никакого значения. Просто еще один день, который надо прожить, пережить. Собраться с силами и сделать, будто это бланк, который нужно заполнить и отправить по почте до пяти.

Афсанех встала первой дать Наде молочную смесь.

Я слышал ее шаги — легкие, осторожные — когда она на цыпочках шла по коридору на кухню. Словно под ногами у нее был не пол, а тонкий лед. Потом звон посуды, шум воды из крана, лязг поставленной на плиту кастрюли. И в конце — ритмичный стук ложкой по металлу, когда жена размешивала порошок в горячей воде.

С кровати, все еще теплой от тела Афсанех, я слышал, как Надя кашляет и всхлипывает в детской.

Звуки обычной семейной жизни: звуки моей молодой жены (наверное, слишком молодой для меня, как думают некоторые) и дочери. И тишина после трех старших детей, покинувших дом, и бывшей жены, съехавшей из квартиры весенним утром, похожим на это, с тяжелой сумкой, которую не стащила бы вниз, не будь она в бешенстве.

Но я не думал об этом тогда, когда сонный лежал в теплой постели. Только впоследствии все эти события обрели значение.

Только впоследствии житейские мелочи вырастают, отрачивают клыки и охотятся за тобой по ночам.

Это было самое обычное утро. И третья простуда Нади за три недели. Мы с Афсанех валились с ног от усталости после бессонных ночей, проведенных за уговорами нашей обожаемой, но капризной двухлетки.

Мы шутили, что Надя каждый раз превращается в младенца, когда болеет. Афсанех говорила, что мне грех жаловаться, ведь никто не заставлял меня против моей воли возиться с пеленками в таком почтенном возрасте (за пятьдесят).

Афсанех заглянула в спальню.

Одной рукой она поддерживала Надю на своем бедре. Чуть согнув колени, Афсанех выпрямилась и подтянула дочку выше, чтобы крепче держать. Полы халата разошлись, обнажив красивую грудь — грудь, которая вопреки всему стала моей.

Жена спросила, смогу ли я остаться дома и поухаживать за Надей, но я ответил, что должен съездить на работу в Управление. Полицейское управление находится на острове Кунгсхольмен в Стокгольме. Я там работаю уже более двадцати лет. У этого места много названий. Там я расследую убийства и другие тяжкие преступления. Там я сталкиваюсь с темной стороной человечества, с различного рода девиациями, о которых другим людям знать не стоит.

Почему для меня это было так важно?

Пусть переубивают друг друга, думаю я. Пусть насилуют и избивают друг друга. Пусть наркотики текут рекой, пусть пригороды горят по ночам, как бенгальские огни. Я тут ни при чем.

Помню, как Афсанех вскинула брови, когда я сказал, что мне нужно на работу. Она напомнила, что сегодня день

Вознесения Господня, и спросила, какие такие у меня важные дела в офисе. Потом терпеливо объяснила, что обещала встретиться со своими аспирантами и уже два раза напоминала мне об этом.

Так мы собачились с полчаса.

Мы ссорились из-за ухода за ребенком так, словно не было ничего важнее. Ссорились на автомате, без особого энтузиазма, как это делают множество семей самым обычным утром в нашей сытой и безопасной Швеции.

Когда Афсанех ушла на свою встречу, а в нашей большой кровати Надя уткнулась мне сопливым носиком в щеку, я чувствовал, что все разрешилось хорошо. Что бы я делал на работе? Мертвые подождут до завтра, а у большинства коллег все равно выходной.

Я плохо помню, что было потом, но думаю, что прибирался в доме. Колено адски болело, и я принял пару таблеток «Вольгарена». Может, тайком выкурил пару сигарет под вытяжкой. Надя смотрела телевизор. Я увеличил громкость, чтобы заглушить шум дорожных работ за окном на улице Карлавэген.

Старшая дочь Альба позвонила из Парижа, чтобы занять денег. Я спокойно, но твердо объяснил, что ей нужно поговорить с матерью, потому что от меня она уже получила три тысячи крон в этом месяце, а ее брат и сестра, Александр и Стелла, не получили ничего, и это несправедливо.

Справедливость — какая странная концепция, думаю я теперь.

Под конец Наде надоело смотреть телевизор. Она все кричала и кричала, а я носил ее на руках по квартире в тщетной попытке унять плач. Лоб у нее был горячий, как огонь, и я дал малышке таблетку «Альведона», хотя знал, что Афсанех это не понравится. Из-за этого мы тоже ссорились. Афсанех считала, что детям можно давать лекарства только в исключительных случаях, когда их жизнь находится в опасности.

Может, «Альведон» подействовал, а может, бутерброд, но Надя успокоилась. Возможно, шум дорожных работ ее отвлек.

Я поставил ее на подоконник в гостиной, и Надя, как зачарованная, смотрела, как экскаватор копает дорогу тремя этажами ниже, время от времени облизывая перемазанные маслом от бутерброда и соплями губы. Мы поболтали о машинках, экскаваторах, грузовиках, мотоциклах и прочих транспортных средствах с мотором.

Наде нравилось все, что имело мотор и издавало шум, — это мы с Афсанех давно уже заметили.

Наверное, именно в тот момент из кафе позвонила Афсанех.

Я поставил бурно протестующую Надю на пол и вышел в прихожую, чтобы поговорить спокойно. Вся квартира буквально вибрировала от шума, издаваемого дорожными рабочими.

Афсанех спрашивала про самочувствие Нади, я ответил, что все в порядке, что она съела бутерброд и что вряд ли болезнь серьезная, раз она пьет и ест.

Про «Альведон» я, разумеется, не упоминал.

Положив трубку, я сразу почувствовал, что что-то не так. Воздух словно сгустился, стало трудно дышать, что не предвещало ничего хорошего. Секунду спустя мой мозг осознал, что заставило меня так реагировать. Точнее, *отсутствие* чего.

Было тихо.

Дорожные рабочие, судя по всему, сделали паузу. Слышно было только мое дыхание.

Я поспешил обратно в гостиную к Наде, но в комнате было пусто. Только соска лежала на полу в луже сока, рядом с горой игрушек, которую она построила утром.

Может, именно в тот момент во мне проснулась тревога, свойственный всем живым существам первобытный инстинкт защищать своего детеныша от угрозы.

В следующую секунду меня ослепил свет солнца, которого не должно было там быть по той простой причине, что окна гостиной всегда в тени.

Я повернулся к свету, прищурился и посмотрел на кухню.

Окно было открыто, и стекло отражало солнце.

Внезапно все стало ясно: Афсанех вчера мыла окна. Должно быть, она забыла поставить защелку от детей. Но Надя же не могла залезть на подоконник и открыть окно. Да и *зачем* ей это делать?

В ту же секунду, как мозг сформулировал вопрос, я уже знал ответ: экскаватор, чертов экскаватор.

Я бросился к открытому окну.

Я бежал, потому что другого выбора у меня не было. Я бежал, потому что должен был, потому что так было нужно. Нельзя позволить своему ребенку умереть. Это то, чего просто нельзя допустить, пока ты жив.

Все что угодно, но только не это.

За окном солнечные блики играли в свежей зеленой листве, а внизу рабочие смотрели на меня пустыми глазами. Двое бежали к дому, вытянув вперед руки.

Надя свисала с подоконника и, что самое поразительное, не издавала ни звука — так молчат, как мне говорили, дети, когда тонут.

Ее крошечные пальчики цеплялись за край. Я бросился к ней, потому что это делаешь на автомате. Бросаешься за своим ребенком в огонь и воду.

Ради своего ребенка человек способен на все.

И я успел схватить ее за пальчики. Успел, но только для того, чтобы почувствовать, как, перепачканные маслом, они выскользывают из моей хватки, как мокрое мыло.

Она упала.

Мой ребенок упал из окна, и я не мог ничего сделать.

Камилла Гребе

Если бы я пришел секундой раньше, если бы я действовал быстрее в те секунды, когда время остановилось и тишина гремела у меня в ушах.

В другой жизни, в параллельной реальности, я мог бы ее спасти.

Но *моя* дочка упала.

Упала с третьего этажа, а я ничего не мог сделать.

Мы были обычной семьей.

Это было обычное, ничем не примечательное утро, после которого наша жизнь никогда уже не станет прежней.

Часть первая

ПОБЕГ

И было слово Господне к Ионе, сыну Амафинну: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня. И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.

Иона. 1: 1-3